Таким образом, действующее в РА законодательное определение ОРД лишь частично раскрывает сущность этой деятельности. Исходя из вышесказанного, мы предлагаем законодательную дефиницию ОРД изложить в следующей редакции: «Оперативно-розыскная деятельность — вид государственной правоохранительной деятельности, осуществляемой преимущественно негласно субъектами, уполномоченными на то настоящим законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных действий разведывательно-поискового характера, а также путем принятия специальных организационных мер в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения безопасности общества и государства от противоправных посягательств»[1].

Вышеназванные признаки ОРД, не предусмотренные (не отраженные) в ее законодательной дефиниции, являются существенными элементами этой деятельности, и их предусмотрение в дефинитивной норме, на наш взгляд, позволит правильно понять истинную сущность и значение ОРД как вида государственной правоохранительной деятельности.

Мурадян А.А.*

НОРМАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИНСТИТУТА СВИДЕТЕЛЯ В АРМЯНСКОМ СУДЕБНИКЕ МХИТАРА ГОША

С принятием христианства в 301 году Церковь в Армении приобрела обширную юрисдикцию по регулированию не только церковно-религиозных, но и светских отношений. Важным источником исследования права данного периода является каноническое право, которое представляло определенные порядки, соответствующие обязательные наставления, инструкции. Канонические нормы, исходящие от отдельных духовных лиц и национальных церковных соборов, содержат малочисленные детальные нормы процессуального характера.

С принятием христианства для армянского права наряду с канонами была характерна рецепция норм иностранного права. Рецепция иностранных законов имеет место только тогда, когда правила поведения данной страны уже регулируют определенные отношения и возникает лишь вопрос об оформлении этих прав в письменной форме.

[1] Дефиниция ОРД в авторской редакции встречается и в работах некоторых российских ученых. (См., напр.: *Атмажитов В.М.* О сущности оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России: М., 2008. № 1 (5). С. 70; *Атмажитов В.М., Бобров В.Г.* К вопросу о законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности // Государство и право. М., 2004. № 11. С. 27.)

* Адъюнкт Академии управления МВД России. E-mail: yanki.mh@mail.ru.

В течение IV—IX вв. в Армении были рецепцированы Моисеевы законы, нормы сирийского права в форме так называемого Сирийско-римского судебника. Кроме рецепции, в Армении в рассматриваемую эпоху были насаждены также римско-византийские законы и нормы шариата.

Роль основного доказательства в них отводилась показаниям свидетелей-очевидцев.

Если дошедшие до нас письменные источники права, относящиеся к древнему и раннесредневековому периоду истории права Армении в отношении судебного права, очень скудны, то этого нельзя сказать об источниках X—XIII вв. Именно в это время наряду с вышеперечисленными появляются также два основных источника армянского права эпохи Средневековья. Это выдающиеся памятники армянского права, армянской политико-правовой мысли: Судебник Мхитара Гоша (1184 г.) и Судебник Смбата Спарапета (1265 г.) в Киликийской Армении.

Судебник Смбата Спарапета является точным отражением армянского права Киликийской Армении (XI—XIV вв.), а потому — важнейшим источником для изучения армянского права. По своей форме и систематическому изложению, по расположению материала он является настоящим кодексом [1].

Источниками Судебника Смбата были обычное право, церковные каноны, ряд норм византийского и франкского права и шариата, но в первую очередь — Судебник Гоша.

Отметим также, что Смбат Спарапет (Гундстабль) до составления своего Судебника перевел со старофранцузского «Антиохийские ассизы», правовые нормы, которые были действительны и для Киликийской Армении [2].

В ассизах указывается, что суд должен внимать свидетельским показаниям не только вассалов, а также других слоев населения, кроме бастардов. Примечательно, что присяга имела более весомую значимость как доказательство, чем показания свидетеля. Так, в главе IX ассизов отмечается, что если обвиняемый принесет присягу перед крестом и Евангелием в том, что все показания свидетелей против него ложны, то он свободен и возвращается к своим делам.

Ниже мы рассмотрим место свидетеля и свидетельских показаний в Судебнике Мхитара Гоша.

Основным и главным доказательством по праву данного периода являются свидетельские показания. «Судья... должен... с двумя или тремя свидетелями вынести решение»[3]. «Суд должен происходить при свидетелях»[4], —

[1] Судебник Смбата Спарапета / пер. со среднеармянского, под ред. А. Абраамяна. Ереван, 1971. С. 24.

[2] Ассизы антиохийские // Вестник Матенадарана. № 4. Ереван, 1958. С. 7.

[3] *Мхитар Гош*. Судебник II. Ереван, 1954. С. 199.

[4] *Смбат Спарапет*. Судебник II. Эчмиадзин, 1918. С. 144. (На арм. яз.)

подчеркивает законодатель. «Судья не может, — поясняет он, — составить себе убеждения, пока не явятся свидетели...»[1].

В Судебнике Мхитара Гоша институту свидетеля посвящена специальная и довольно пространная статья. В остальных источниках сведения о них сводятся в основном к одному пункту — отмечается необходимость свидетелей. Обобщая все имеющиеся в источниках данные о свидетелях, мы получаем ряд признаков, которыми определялся вопрос — может ли данное лицо выступить свидетелем или нет: совершеннолетие; здоровое (ясное) сознание; положительный моральный облик; принадлежность к мужскому полу; принадлежность к христианству.

Свидетелем мог быть только тот, кто одновременно обладает всеми вышеуказанными признаками [2].

Кроме вышеназванных признаков для достоверности свидетельских показаний важное значение имело также количество свидетелей и родство.

Рассмотрим указанные признаки.

В Судебнике Мхитара Гоша говорится: «Для достоверности свидетелей требуется... чтобы они были *совершеннолетние* или почтены сединой, что придает им достоинства». Под совершеннолетием Гош подразумевал тот возраст, когда человек мог стать священником, т.е. двадцать пять лет, ибо если в этом возрасте он может представительствовать перед Богом и свидетельствовать в общественных делах, то тем паче может достоверно свидетельствовать перед людьми. Гош предусмотрел и случаи исключения из этого правила. Так, «если же случится, что один из свидетелей совершеннолетний, а другой — нет, то пусть этот последний допускается к свидетельству...», «следует допускать к свидетельству и в тех случаях, когда двое из них отроки, а один — стар или же все трое — отроки»[3]. Надо полагать, что во всех остальных случаях суд сам определял, допускать несовершеннолетнего к свидетельству или нет, и как оценить его показания.

Здоровое (или *ясное*) *сознание* — на этот признак в Судебнике нет прямых указаний. О нем делается заключение на основании косвенных данных, в частности на том, что не допускается к свидетельству пьяница, то есть человек, сознание которого несколько затуманено.

О признаке *положительного морального облика* в Судебнике Мхитара Гоша говорится: «А надежность их (свидетелей. — *А.М.*) обнаруживается, во-первых, в их поведении; чтобы были они людьми добрыми, правдивыми... чтобы не были лжецами»[4] или чтоб они не были «из числа порочных, а были бы

[1] *Мхитар Гош*. Указ. соч. С. 218.

[2] *Торосян Х.* Суд и процесс в Армении X—XIII вв. Ереван, 1985. С. 226.

[3] *Мхитар Гош*. Указ. соч. С. 14—15.

[4] *Мхитар Гош*. Судебник. Вагаршапат, 1880. С. 37. (На арм. яз.)

«правдивыми и по удостоверению многих добронравными». Древнее и средневековое право (да и новое) уделяют большое внимание моральному статусу свидетеля. Например, по римскому праву свидетелем не могло быть лицо, подвергшееся умалению гражданской чести — intestabilitas, infamia и т.п. А по древнеиндийскому праву (законы Ману) свидетелем мог быть домохозяин, имеющий детей, коренной житель; свидетель должен был быть достойным доверия, знающим всю драхму и т.п.[1]. Допущение к свидетельству обусловлено положительными моральными качествами, которыми должен обладать свидетель, и по древнерусскому праву [2].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что определение допустимости лица к свидетельству было еще одной процессуальной формой.

Армянское право придерживалось того взгляда, что свидетель должен быть *мужчиной*. Свидетельство женщины в принципе не принималось. Ничего нового или оригинального в этом нет. Древнее и средневековое законодательство очень многих стран также не принимало свидетельство женщины. Свидетельство женщины не принималось в странах мусульманского права, Византии, Грузии, у германских народов, в России и т.д.[3].

Судебник Мхитара Гоша устанавливает: «Женщин не должно допускать в свидетели, разве только в качестве пособниц свидетелей...». Это объясняется тем, что «как не могут женщины быть священниками или воинами и не могут давить виноград в давильне, равно как, согласно канонам, не могут торговать на базаре или одеваться в мужское платье, так они не могут и судить и свидетельствовать». Однако Гош принимал и то обстоятельство, что женщины свидетельствовали о Боге, и их свидетельство принималось. Так, Мхитар Гош пишет: «Пусть никто не возражает, говоря, что многие из женщин были мученицами (армянское слово «вка» означает и свидетель, и мученик за веру, за Бога); свидетельствовать о Боге — одно, а о человеке же — другое»[4].

И все же было невозможно вовсе не принимать свидетельство женщины, поэтому, как в других странах, так и в Армении, делались исключения из общего правила. По армянскому праву, женщины допускались к свидетельству в двух случаях: в случае, когда «очевидцами и свидетельницами событий окажутся лишь женщины», то есть когда нет свидетелей-мужчин, и «свидетельство женщин в отношении женщин следует принимать, ибо часто при делах, совершаемых ими, не бывает мужчин». Когда нет свидетелей-

[1] Законы Ману. М., 1960. С. 152.

[2] *Куницын А.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. 104.

[3] *Вагибов М.* Ислам и женщина. М., 1968. С. 27; История государства и права зарубежных стран. Т. 1. М., 1963. С. 527; *Владимирский-Буданов М.* Обзор истории русского права. Киев, 1915. С. 622.

[4] *Торосян Х.* Суд и процесс в Армении X—XIII вв. Ереван, 1985. С. 230.

мужчин и должно приниматься свидетельство женщин, то в этом случае их права подвергаются дополнительным ограничениям. Дело, конечно, не в том, что к женщинам-свидетельницам предъявлялись требования морального порядка. Они должны быть «не из числа порочных, а истинные и, по удостоверению многих, добронравные». Такие высокие моральные качества, как уже отмечалось, требовались и от свидетелей-мужчин. Дополнительные ограничения прав женщин заключались в следующем. Свидетели-женщины должны были быть «в двукратном числе мужчин, то есть в количестве четырех или шести, поскольку в отношении свидетелей-мужчин установлены два или три». И второе ограничение: «Женщины не должны являться в присутственное место, а пусть дают показания у себя дома стольким же мужчинам, которые, вернувшись в суд, будут свидетельствовать, и свидетельство их пусть будет принято»[1].

Религия. По делам христиан армянское право принимало свидетельство только христианина. В эпоху, когда религия играла такую важную роль в жизни народов, немало вопросов решалось с ее точки зрения и в ее интересах. Не надо забывать, что в интересующую нас эпоху христианство и мусульманство были не только отрицавшими друг друга идеологиями, но и враждовавшими и часто даже сражавшимися друг против друга политическими системами. Но нам кажется, что положение армянского права, запрещавшего судам принимать свидетельство магометанина по делу христианина, является ответным шагом на аналогичное положение мусульманского права. Известно, что задолго до того, как были созданы армянские судебники, мусульманское право уже установило, что «неверные», в том числе и христиане, не могут быть свидетелями по делу мусульманина [2].

Не принималось и свидетельство еретика-христианина по делу истинного христианина. Но свидетельство мусульманина по делу мусульманина и еретика по делу еретика принималось.

Родство. Свидетельство родственников в принципе не принималось, но делались и исключения из общего правила. Когда не было других свидетелей, свидетельство родственников принималось, «если правдивость их общеизвестна»[3].

Количество свидетелей. В Судебнике Мхитара Гоша неоднократно отмечается, что «судья должен... с двумя или тремя свидетелями вынести решение» или: «...в отношении свидетелей-мужчин установлены два или три...», или: «их (т.е. свидетелей. — *А.М.*) не должно быть меньше»[4]. Таким образом,

[1] *Мхитар Гош.* Судебник II. Ереван, 1954. С. 15—16.

[2] *Петрушевский И.* Ислам в Иране в VII—XV вв. Л., 1966. С. 193; *Садагар М.* Основы мусульманского права. М., 1968. С. 141.

[3] *Мхитар Гош.* Судебник II. Ереван, 1954. С. 14.

[4] *Мхитар Гош.* Указ. соч. С. 11, 15—16.

по Судебнику Мхитара Гоша, армянскому каноническому праву, Судебнику Смбата Спарапета [1], количество свидетелей не может быть меньше двух. Приговор суда не может быть основан на показании одного, хотя и правдивого, добронравного и т.п. свидетеля: «И хотя также истинно показание одного достоверного свидетеля, но оно недостаточно...». Пусть не создается впечатление, что армянское право не принимало более трех свидетелей, наоборот, «требование двух или трех свидетелей не исключает большего их числа; оно означает лишь, что лучше, если бы их было больше, но их не должно быть меньше»[2].

Как и в праве ряда народов — римлян, германцев, русских и других, — в армянском праве также различали свидетеля, который был очевидцем факта (видок, Augenzeuge), от свидетеля, который знал о факте по слуху (послух, Ohrenzeuge). Мхитар Гош пишет: «Однако свидетельство бывает двоякого рода — человек или видит, или слышит... Истинно, когда свидетель увидел, чем когда услышал, что и должны уточнить судьи во время суда...»[3]. Это доказывается и свидетельством Григора Татеваци. На вопрос, «которые из свидетелей достоверны — те, которые увидели, или те, которые услышали?», он отвечает: «Из свидетелей достоверен тот, кто видел своими глазами... Из чего, следовательно, ясно, что послух недостоверен»[4].

Подытоживая суждения Мхитара Гоша о свидетелях и их показаниях, мы получим, так сказать, положение о количественно-качественных критериях оценки показаний свидетелей, которые составляли единое целое и обуславливали доверие к их показаниям.

Армянское средневековое право (в том числе, уголовно-процессуальное), которое бурно развивалось в IX—XIII вв., подверглось разрушительному удару вследствие нашествия монголов (XIII в.) и в период персидского и турецкого господства на Армянском нагорье (XV—XIX вв.). Вследствие этих нашествий в зарубежье образовались армянские общины (XVII—XX вв.), где создавались правовые акты, регулирующие внутриобщинную жизнь армян. В некоторых из них за основу применялись положения Судебника Мхитара Гоша (Судебник астраханских армян, Судебник армян города Львова) и нашли широкое применение в судебных разбирательствах.

[1] См.: Армянская книга канонов I. Ереван, 1964. С. 441; *Смбат Спарапет.* Судебник. Ереван, 1971. С. 36.

[2] *Мхитар Гош.* Указ. соч. С. 16-17.

[3] *Мхитар Гош.* Судебник III. Ереван, 1975. С. 15.

[4] *Татеваци Григор.* Книга проповедей, летний том. Константинополь, 1741. С. 460. (На арм. яз.)